

ЖАНР ДНЕВНИКА КАК ФОРМА ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПОВЕСТЯХ «ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ» Ю.В. ЖАДОВСКОЙ И «ДНЕВНИК СОФЬИ» ДИН ЛИН

Линь Инин

Соискатель, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
inin.lin@mail.ru

Исакова Ирина Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент, Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова
mandala-1@yandex.ru

THE DIARY GENRE AS A FORM
OF DEPICTING FEMALE SELF-AWARENESS
IN THE NOVELS "EXCERPTS FROM
THE DIARY OF A YOUNG WOMAN"
BY YU.V. ZHADOVSKAYA AND "MISS
SOPHIA'S DIARY" BY DING LING

**Y. Lin
I. Isakova**

Summary: The purpose of the article is to reveal the artistic structure of the diary genre as a form of depicting female self-consciousness. The article uses the methods of structuralism, psychoanalysis, comparativism and the cultural-historical method, analyzes in detail the stylistic and compositional structure of the diary novels «Excerpts from the Diary of a Young Woman» by the Russian writer Yu.V. Zhadovskaya and «Miss Sophia's Diary» by the Chinese writer Ding Ling. It was found that both novels exhibit strong emotionality and lyricism, the composition is determined by the heroines' imagination about themselves, about others and about the ideal world, and the main feature of a women's diary is the dominance of the emotional principle and the chaotic nature of self-determination. However, in Ding Ling's novel, a more violent conflict is traced, because the heroine Sophia is more difficult to understand herself. In this case it is indicated that the differences between Ding Ling and Yu.V. Zhadovskaya are due to the difference in socio-cultural conditions in the two countries, but the structure of the novels is not fundamentally different, because the diary genre "can go beyond cultural differences and reproduce the general structure of human self-awareness".

Keywords: diary genre, women's narrative, female psychology, self-consciousness, structure, Yu.V. Zhadovskaya, Ding Ling.

Аннотация: Целью статьи является выявление художественной структуры жанра дневника как формы изображения женского самосознания. В статье применяются методы структурализма, психоанализа, компаративизма и культурно-исторический метод, подробно анализируется стилистика и композиционная структура повестей-дневников «Отрывки из дневника молодой женщины» русской писательницы Ю.В. Жадовской и «Дневник Софьи» китайской писательницы Дин Лин. Обнаружено, что в обеих повестях прослеживается яркая эмоциональность и лиричность, композиция определяется представлениями героинь о себе, о других и об идеальном мире, и главная особенность женского дневника заключается в доминанте эмоционального начала и хаотичности самоопределения. Однако в повести Дин Лин прослеживается более жестокий конфликт, потому что героиня Софья сложнее понять себя. При этом указано, что различия между Дин Лин и Ю.В. Жадовской обусловлены разницей социально-культурных условий в двух странах, но структура повестей принципиально не отличается, так как жанр дневника «может выходить за рамки культурных различий и воспроизводить общую структуру человеческого самосознания».

Ключевые слова: жанр дневника; женское повествование; женская психология; самосознание; структура; Ю. В. Жадовская; Дин Лин.

В литературных произведениях традиционных эпох женское повествование и самопознание часто ограничено патриархальной картиной мира. В обществе более ценятся так называемые мужские черты: индивидуальность, независимость, решительность, способность к установлению правил и сохранению порядка, а так называемые женские черты: чувствительность, заботливость, концентрация на отношениях с другими людьми, не получают полноценного внимания и описания. Зигмунд Фрейд пытался найти психологическое основание доминанты мужского сознания. По его мнению, мужские качества развиваются в процессе отделения ребенка от ма-

тери, что характерно в первую очередь для мальчиков. Итак, в соответствии с традиционно-патриархальной системой мужское сознание и мужская субъективность, индивидуальность в художественной литературе чаще представляют собой центр изображения, а женское сознание находится на периферии.

Доминанта мужского сознания также заметна в русской и китайской литературной классике. Например, мужские персонажи часто полноценно описаны и изображены, а женские образы присутствуют как дополнение мужского мира – как небесный идеал, либо как

исчадь ада. Чэнь Фан в монографии «“Второй пол” в русской литературе» указывает, что в русской литературе мужские персонажи, «лишние люди», например, часто представляют типичные социальные пороки, а женские персонажи – некий социальный идеал [1, с. 8]. Мэн Юе и Дай Цзиньхуа пишут, что в древнекитайской литературе наблюдается овеществление женских образов, которые представляют подавленное стремление писателей к власти [2, с. 14].

Современная нейробиология и психология подчеркивает индивидуальность и значимость индивидуально-повествовательного повествования независимого от гендера. С точки зрения нейробиологии, высшее сознание тесно связано с языком – особым средством передачи информации между людьми. По мере социального общения и накопления языковых знаков человек постепенно учится повествовать, формулировать концепции о Я и других, настоящем и будущем, и в конце концов отделять собственное Я от социальных отношений [3, с. 194-197]. Любой индивидуальный опыт, основанный на индивидуальной нервной системе, уникален и никак не может быть заменен общей теорией или описанием [3, с. 157]. Поэтому женский опыт также уникален и заслуживает полноценного описания и художественного изображения. Кэрал Гиллиган замечает, что женский характер является неотъемлемой и не менее важной частью единого целого мира, однако, при доминировании мужского начала в языке женщины не могут найти уместное средство для выражения собственного опыта и способа познания мира [4, с. 24-63].

Таким образом, женское повествование имеет большое значение в процессе познания женщиной собственного Я и в изображении человеческого самосознания. Надо заметить, женское повествование часто появляется в литературе с развитием гуманизма, в период смены социального положения женщины, что приводит к изменению самосознания женщины: в русской литературе расцвет женского повествования приходится на 1830-1840-е гг.², а современная женская литература в Китае возникла в начале XX в. в результате «Движения за новую культуру»³.

На этапе формирования женской литературы важное место занимают автобиографические жанры, в частности, дневник. Л.Я. Гинзбург отмечает гуманистическое направление автобиографических жанров: «В промежуточных, например автобиографических и биографических жанрах в середине и во второй половине XIX века порой особенно обнаженно выступают принципы понимания человека и связь этих принципов с современными политическими, историческими, психологическими, этическими воззрениями» [5, с. 10-11]. Ю.М. Лотман замечает важность текстов системы «Я – Я» в культуре. По его мнению, тексты системы «Я – ОН» функционируют как перемещение информации, а в текстах системы «Я – Я» проис-

ходит введение новых кодов, возрастание информации, переформирование самопознания и самой личности [6, с. 36-42]. Дневнику как разновидности автобиографических жанров и тексту автокоммуникации свойственны «фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность, авторефлексия, смешение документального и художественного, факта и стиля, принципиальная незавершенность и отсутствие единого замысла» [7]. Женский дневник не только сохраняет общие особенности дневника, но и носит более глубоко лирический и психологический характер, поэтому в нем особенно заметна проблема самопознания и самоопределения. По словам Кэтрин Делафилда, женский дневник XIX в. как повествовательный прием дает возможность выразить собственное Я в образе второго Я, которое может бросать вызов узкому определению ее личной жизни [8, с. 174].

Итак, мы считаем, что изображение женского самосознания тесно связано с жанром дневника, иначе говоря, жанр дневника представляет собой уникальную форму для изображения женского самосознания. Для того чтобы выявить поэтические особенности и художественную структуру женского дневника, мы будем рассматривать стилевую и композиционную структуру двух характерных повестей-дневников – «Отрывки из дневника молодой женщины» русской писательницы Ю.В. Жадовской и «Дневник Софьи» китайской писательницы Дин Лин с помощью методов психоанализа и структурализма.

Обе героини повестей сталкиваются с проблемой самоопределения и переживают острые внутренние конфликты. В душе каждой героини постоянно происходит борьба между Я, другими и образом идеальной женщины.

С одной стороны, героини испытывают сильные эмоциональные порывы и страстно желают ласки, любви и взаимопонимания. Что в свою очередь побуждает их бессознательно сочинять симфонию о мире, где люди понимают и поддерживают друг друга, где они живут в гармонии, любви и добре, и где все собственные чувства встречают уважение и понимание. Такой мир существует в их воспоминаниях и в суждениях о том, что такое любовь и счастье.

О любви Мина пишет: «Любовь, божественное чувство! ... Солнце жизни!» [9, с. 251]. Мина вспоминает о том, как семья собиралась за общим столом: «Казалось, что я сижу в нашей желтой комнатке и, в растворенные двери, вижу, как в диванной маменька разливает чай; около ней теснятся братья и сестры, один только черноглазый Митя вскарабкался ко мне на колени, обнял мою шею ручонками и, как всегда, осыпал лицо мое поцелуями, приговаривая: “как я тебя люблю, Мина! какая ты хорошенькая!”» [9, с. 244]. Для Миной воплощением любви является маменька, которая всегда ее ласкала, люби-

ла, и обращалась к ней со словами «прекрасное дитя», «дорогая, мечтательная Мина».

Для Софьи также важны понятия любви и счастья. В дневнике она неустанно задается вопросом, в чем заключается любовь: *«Очень хочется встретить человека, который сумел бы по-настоящему понять меня. Если этого нет, к чему тогда любовь и внимание?»* [10, с. 67] Она рисует идеальную картину: *«Я думаю о том, как буду спать на кровати в самой лучшей спальне, а мои сестры, стоя возле кровати на коленях на коврик из медвежьей шкуры, будут молиться за меня Богу. А отец мой, глядя в окно, станет тяжело вздыхать. Друзья помнят мои искренние слезы... Я очень нуждаюсь в человеческом тепле...»* [10, с. 73] Для Софьи воплощением любви является ее умершая подруга Юнь-цзы, она относилась к героине нежно, тепло и снисходительно: *«Ради ее ласки и по своей склонности легко расстраиваться и заливать слезами я облачивалась на стол и плакала навзрыд из-за малейшей неурядицы...»* [10, с. 82]

С другой стороны, в реальности правила создают мужчины и поэтому эмоциональное движение необходимо подчинить разуму и привести в порядок, чувства и порывы часто относят к категории безумия. В социуме таких героинь считают странными, безумными, относятся к ним, как к маленьким детям, а люди, которые живут в соответствии с социальными нормами, кажутся героиням чуждыми, холодными и даже страшными. Такое мировоззрение отражается в их дневниках.

Мир других людей у Мины состоит из ее мужа, любовницы мужа и соседок. Мина несколько раз указывает на холодность и оскорбления мужа, она его боится и одновременно чувствует себя зависимой от него: *«Боюсь его; он не любит меня! он не оказал мне ни одной живой ласки, кроме холодных поцелуев в лоб...»* [9, с. 243]; *«Эти слова так оскорбили меня...»* [9, с. 244]; *«Его леденящая молчаливость, его спокойная холодность давят меня»* [9, с. 249]. Кроме того, героине не удалось найти общий язык с соседками: они относятся к ней так же, как к глупому ребенку: *«Как несносны мне здешние дамы – соседки! ... Зачем они хотят унижить меня названием ребенка? ... Не могу надивиться искусству, с которым рассказывают они о самых ничтожных случаях ежедневной, бесцветной жизни и наслаждению, с которым разговаривают, по целым часам, о том, как лучше отделать платье...»* [9, с. 245] В социуме женщин, подобных Мине, не принимают, считают безумными: *«Если бы я высказывала это убеждение как-нибудь в разговоре моим знакомым, они, без всякого сомнения, сочли бы меня помешанной...»* [9, с. 250] Любовница мужа Вера, мать которой является итальянкой, присутствует в дневнике как символ красоты, ревности и ненависти, который противопоставляется идеалу героини. По мнению Мины, ревность есть зло – противоположная сторона любви: *«Ревность – чувство,*

которое я презирала, как недостойное благородной души человека...» [9, с. 251].

Мир других людей у Софьи в основном состоит из ее отца, сестер, друзей, преследователя Вэй-ди и любовника Лин Цзи-ши. По ее мнению, отец, сестры, друзья и преследователь не испытывают к ней любви и не понимают ее, хотя она этого ожидает: *«Почему он (преследователь Вэй-ди) не может правильно понять меня? Очень хочется встретить человека, который сумел бы по-настоящему понять меня. Если этого нет, к чему тогда любовь и внимание? Ведь и отец мой, и сестры, и друзья – все они любят меня слепо...»* [10, с. 67] Друзья Юй-фан и Юнь-линь придерживаются традиционной концепции счастья и символизируют старую цивилизацию – царство разума и порядка. По их мнению, *«счастье заключается не в том, что есть на свете любимый человек, а в том, что двое шепчутся между собой, мирно и спокойно коротают свои дни и им больше ничего не нужно»* [10, с. 71]. Такой принцип позволяет им безжалостно считать героиню ребенком: они *«гордились своей чистотой и хохотали над моим ребячеством»* [10, с. 77]. Аскетизм и рассудочность друзей противоречат стремлению героини к любви во всех ее проявлениях. Для того чтобы оправдать свои сексуальные потребности, Софья в дневнике кричит: *«Какие аскеты! Почему ни он, ни она не желают обнять обнаженное тело любимого? Ради чего нужно сдерживать проявление любви? ... Не верю, что любовь может быть так рассудочна.»* [10, с. 77] Наоборот, ее любовник Лин Цзи-ши, приехавший из Сингапура, и ведет себя, как «рыцарь средневековой Европы», он представляет новую западную цивилизацию – мир авантюризма, опасности и выраженного сексуального начала. Однако, хотя Лин Цзи-ши принимает порывы и сексуальные инстинкты героини, его равнодушие, пошлость, подлость в корне противоречат ее идеалу любви и добра: *«Поняв, что эта драгоценная красота, в которую я влюбилась, обладает такой подлой душкой...»* [10, с. 88]; *«... его равнодушие и холодность снова вызвали только злость»* [10, с. 92]. Таким образом, Софье не удалось найти гармонию ни в мире старого порядка, ни в мире нового, что делает ее «странной» и «безумной» в глазах окружающих людей. Оценивая ее поведение с точки зрения социальной нормы, окружающие люди называют ее «гордячка», «сумасбродка»: *«Некоторые считают меня странной... Очень часто окружающие дают мне повод в одиночестве анализировать свои собственные поступки и это приводит к тому, что я все больше и больше удаляюсь от людей.»* [10, с. 69]; *«Они давно уже решительно подарили мне такие клички, как "гордячка", "сумасбродка" ...»* [10, с. 87]

Реальный мир не соответствует представлениям героинь об идеальном мире, иначе говоря, социальный уклад противоречит женскому чувствительному мышлению, нужде в любви и гармоничных отношениях с людьми.

ми. Под игом социального порядка Мине и Софье трудно определить свое положение в реальной действительности. Обе они переживают моменты сложности в осознании и выражении своих чувств. Порывы души Мины непонятны и невыразимы: «Эти речи отравили меня и внесли в душу мою невыразимое страдание... Странно, голова моя и теперь кружится... Кто объяснит мне эти непонятные порывы моего бедного сердца?» [9, с. 251] Софья также несколько раз указывает на невыразимость своих чувств: «Прямо-таки не знаю, как разобратся в своих чувствах... я могу почувствовать вдруг какую-то непонятную печаль» [10, с. 70]; «Какие слова и какие чувства смогут выразить мое раскаяние?» [10, с. 103]. Под давлением социальных норм они даже признаются в безумности своих поступков и сомневаются в ценности своего существования, думая о смерти.

Мина: *Кто знает, может, я точно безумная?* [9, с. 250]

Софья: *Может быть, я сошла с ума?* [10, с. 81]

Последние слова в дневнике Мины: *Я умираю! Боже! тяжело умирать...* [9, с. 258]

Последние слова в дневнике Софьи: *... я с безумной иронией говорю себе: «Безрадостно живешь, безрадостно умрешь. Мне жаль тебя, Софья!»* [10, с. 104]

Хаотичное самоопределение героинь зафиксировано в повторяющемся и прерывистом описании собственных чувств. В отличие от традиционной повести, где сюжет, композиция и авторский замысел занимают важное место в построении текста, повесть-дневник женщины в чем-то напоминает лирическое стихотворение, структура которого определяется движением души лирического субъекта. В дневнике течение времени обусловлено работой сознания героини, пространство почти всегда замкнуто, это дом или комната, что позволяет героиням предельно концентрировать внимание на внутреннем мире. Кроме того, тексты состоят из ряда повторяющихся мотивов, которые преимущественно касаются эмоционального состояния героинь: одиночества, печали, тоски, грусти, страдания, любви, страсти, порыва, безумия... Мина и Софья испытывают трудности при выражении своих эмоций, поэтому часто выражают свои чувства с помощью междометий, риторических вопросов и восклицаний.

Важно, что и Ю. Жадовская, и Дин Лин явно сочувствуют своим героиням, разделяют их позицию. Обе повести-дневника были написаны в юности, т.е. в ранний период творчества. Ю.В. Жадовская написала повесть в возрасте 24 лет. По мнению И.В. Войтенко, многие ранние повести Ю.В. Жадовской, повествование которых ведется от первого лица в форме отрывков из дневников или писем, в большой мере автобиографичны и для них характерно стремление раскрыть внутренний мир героини [11, с. 43]. Противоречие чувства и разума, внутреннего мира и внешнего побуждает Мину вести дневник.

Это же противоречие побудило и саму Жадовскую написать повесть, о чем она пишет И.Н. Шиллю: «... во мне является иногда дух противоречия, и именно в то время, когда другие не хотят говорить о пустяках мне хочется говорить о них. О, женщина! ... не дорасти мне видно никогда до мужского равнодушия, величавой холодности и ни до чего большого!» [12, с. 51] Сходная ситуация была и в жизни Дин Лин, когда она в 23 года написала «Дневник Софьи». В интервью Дин Лин говорит: «Что касается «Софьи», я думаю, что Мао Дунь⁴ был прав. Мао Дунь сказал, что госпожа Софья была «мятежной молодой женщиной, которая в душе была обременена страданиями и травмами эпохи». Она была мятежной женщиной, и у нее было какое-то бунтарское женское упрямство... В то время такие женщины, такие эмоции все еще были характерными. Женщины были вынуждены порвать со своей семьей и со старым обществом. А где найти что-то новое? Все в ее глазах было темным, ей очень не нравилось старое общество, и люди в этом обществе ей тоже не нравились.» [13, с. 314] Как указывают исследователи в статье «Ранняя жизнь и творчество Дин Лин», писательница вошла в сознание персонажа и реалистично выразила противоречивую психологию Софьи в дневниковом жанре [14, с. 403].

Таким образом, дневник становится способом выражения ярких интимных чувств женщин, страдающих от непонимания и одиночества. Субъективное Я в дневнике демонстрирует душевное состояние писательниц и характерное состояние большинства женщин данной эпохи – страдание из-за социальной, экономической и эмоциональной зависимости женщин от мужчин и игнорирования обществом эмоциональных потребностей женщин. В соответствии с указанными чертами женской психики самосознание в женском дневнике определяет стилистическую и композиционную структуру, где главную роль играет высокая эмоциональность и лиризм.

Отличий в структуре обеих повестей существенно меньше, чем сходств. Они проявляются главным образом в различиях социально-культурных условиях.

Ю.М. Лотман рассматривает женский характер как отражение эпохи. По его мнению, характер женщины представляет собой «барометр общественной жизни», так как «женщина с ее напряженной эмоциональностью, живо и непосредственно впитывает особенности своего времени» [15, с. 46]. Иными словами, социальные и культурные факторы определяют самопознание женщины и как следствие способы повествования. Ю.М. Лотман отметил три типа женских образов в русской литературе: нежно любящую женщину, женщину-демона, женщину-героиню [15, с. 65-72]. У Мины можно увидеть ангельское качество, а у Софьи наблюдается сочетание любящего и демонического характера.

С точки зрения Ю.М. Лотмана, для любящей женщины характерна способность испытывать глубокие чувства, поэтичность натуры, нежность и душевная тонкость, такая женщина противостоит жестокому обществу [15, с. 65]. В этом отношении, продолжая традиции прозы Пушкина, Лермонтова и Тургенева, Мина представляет собой символ-образ естественности, она видит добро в природе и верит в то, что человеческое существо, созданное Богом, рождено для любви и счастья. Она испытывает страдания, но старается не показывать свои чувства другим, поэтому перед бедой она проявляет сдержанность и стойкость. Она испытывает душевную гармонию в общении с природой и Богом: «С самого детства, я люблю его (ветер) с каким-то восторженным увлечением; с самого детства, с страстным удовольствием, люблю отдаваться его ласкам, и, уверяю, никто не ласкал меня так нежно и изящно...он духовно-разумное существо, которое любит и ласкает меня...» [9, с. 250]; «Уединение возвышает меня, развивает мой ум, дарит меня ощущениями высокими, прежде неведомыми. Только в одном уединении нахожу я силы молиться и плакать.» [9, с. 249] Как говорит автор в переписке: «Бог любит всех людей» [12, с. 56], героиня сочувствует страданиям мужа, прощает его измену, и ради него готова пожертвовать собой. Вера в Бога дает ей возможность увидеть ценность своих эмоций независимо от того, вписываются ли ее представления в социальную норму: «Да, лишняя, отвергнутая, ненавидимая, охваченная, в самом расцвете горячего сердца, мертвящим холодом окружающей меня жизни, я чувствую, как замирают во мне все лучшие движения души, как застывают слезы на глазах моих.» [9, с. 246]

В отличие от Мины Софья живет в период стремительных перемен, когда старая цивилизация рушилась, а новая система ценностей не была построена, поэтому героиня не видит выхода и ненавидит все, в том числе и саму себя в этом обществе. По словам Дин Лин, «она хочет найти свет, но она не видела никакого идеального настоящего, и не видела настоящего идеального человека» [13, с. 314]. Поэтому в повествовании Софьи наблюдаются, с одной стороны, больше неопределенности, а с другой – более жестокий конфликт. Она, как тогдашние молодые женщины, получившие западное образование, носит иностранное имя, отказывается от деревенских манер и мечтает о романтической любви с мужчиной с рыцарскими манерами. При этом она сомневается в любви и раскаивается в своем моральном «падении». Весь дневник пропитан борьбой между чувством и разумом, и хаотичностью самоопределения: «Сегодня ночью я прямо-таки обезумела. Какими бесполезными казались в эти минуты слова и письменные знаки.» [10, с. 100]; «Как же объяснить это? Неужели такова психология женщины, до конца обезумевшей от внешности мужчины?» [10, с. 101]; «О! Какие слова и какие чувства смогут выразить мое раскаяние?» [10, с. 103]. Бинарная оппозиция разума и чувства, по словам литературоведа Хэ Гуймэй,

составляет повествовательную структуру повести [16, с. 36]. С помощью повествования о субъективном Я Дин Лин продемонстрировала протест против старого порядка и капиталистической цивилизации, продолжая традицию поколения писателей Движения «четвертого мая», в частности Лу Синя и Ба Цзиня [2, с. 132].

Из описания текстовой и подтекстовой структуры повестей «Отрывки из дневника молодой женщины» и «Дневник Софьи» можно сделать вывод, что дневник является уникальной формой повествования о собственном психологическом опыте женщин. В традиционно-патриархальной системе, которую отражает язык, отсутствует снисходительность к женскому характеру и такие чувства, как нежность, чувствительность, стремление к любви, добру и гармоничному отношению с людьми, не представляют ценности. Однако жанр дневника предоставляет максимальную возможность выразить собственные чувства женщин. С помощью формы дневника женское самосознание полноценно входит в художественную литературу, определяет структуру произведения. В женском дневнике эмоциональное душевное движение занимает доминирующее место в построении текста, сознание субъективного Я предельно сливается с сознанием автора. Таким образом, повествование становится лиричным. В обеих повестях-дневниках мы наблюдаем типичное душевное движение молодых женщин – хаотичное самоопределение, борьбу между чувством и разумом, конфликт между миром Я, миром Они и миром идеала, противоречие между собственной волей и подчиненным социальным положением. Можно увидеть, что две повести близки по структуре, так как в них отражается женская психология и воспроизводится функция эмоций в женском самосознании. Наряду с этим дневники у Ю.В. Жадовской и Дин Лин несут на себе отпечатки конкретных социально-культурных условий в двух странах. Образ Мины представляет некий идеал XIX века – устойчивую веру в Бога и гармонию с природой. А в дневнике Софьи наблюдаются более жестокий конфликт и больше неопределенности, что тесно связано с судьбой Китая начала XX в. Но разные социально-культурные реалии существенно не влияют на стилистическую и композиционную структуру двух повестей. Отсюда следует, что жанр дневника как форма изображения самосознания может выходить за рамки культурных различий и воспроизводить общую структуру человеческого самосознания.

Примечание

1. Здесь понятия «мужской» и «женский» характер не представлены как абсолютно противопоставленные стороны в категории гендера, а являются способом обобщения двух типов психологических установок и социальных положений. Эти явления называются по полу, потому что в патриархальном обществе мужчины с боль-

шей вероятностью проявляет названные качества, а женщины другие. Зависят ли данные гендерные различия от строения мужского и женского организма, от воспитания или от того и другого, пока не известно.

2. Н.И. Билевич отметил заметный расцвет женской литературы в 1830-1840-е гг.: «едва ли когда-нибудь столько мыслила и писала русская женщина, как в эти последние годы» [17, с. 677]. И.Л. Савкина пишет: «Сами понятия женщина-писательница, женщина-поэт (поэтесса), женская литература начинают активно упо-

трепляться в русской критике и журналистике именно в конце 10-х-40-е годы XIX века.» [18, с. 16]

3. Мэн Юе и Дай Цзиньхуа отметили, что в начале XX в. в Китае появилось новое представление о женщине, которая подчеркивает субъективное Я и отказывается от подчиненной роли, что привело к появлению целой группы писательниц [2, с. 24].

4. Мао Дунь (茅盾, 1896 – 1981 гг.) – известный китайский писатель и литературный критик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чэнь Фан. "Второй пол" в русской литературе. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та языков, 2015. С.8 陈方. 俄罗斯文学的"第二性". 北京: 北京语言大学出版社, 2015. P.8. (Chen Fang. E luo si wen xue de "di er xing". Beijing: Beijing yu yan da xue chu ban she, 2015. P.8.)
2. Мэн Юе, Дай Цзиньхуа Вынырнуть на поверхность земли истории: исследование современной женской литературы. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2018. 296 с. 孟悦, 戴锦华. 浮出历史地表: 现代妇女文学研究. 北京: 北京大学出版社, 2018. 296 p. (Meng Yue, Dai Jinhua. Fu chu li shi di biao: xian dai fu nv wen xue yan jiu. Beijing: Beijing da xue chu ban she, 2018. 296 p.)
3. Edelman G., Tononi G. A Universe of Consciousness: How Matter Becomes Imagination. New York: Basic books, 2000. 274 p.
4. Giligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge: Harvard University Press, 2003. P.24-63.
5. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С.10-11.
6. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: "Я" и "Другой" как адресаты // Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1996. С.36-42.
7. Зализняк А.А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. №106. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html> (дата обращения: 07.08.2022).
8. Delafield C. Women's Diaries as Narrative in the Nineteenth-Century Novel. New York: Routledge, 2016. P.174.
9. Жадовская Ю.В. Полное собрание сочинений Ю.В. Жадовской: посмертное издание / СПб.: Издание П.В. Жадовского. Т.1: Биография. Стихотворения. Повести. 1885. С.243-259. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008674582?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 07.08.2022)
10. Дин Лин. Избранное / пер. с китайск. Я. Шурвины и В. Слобновы; под ред. С.И. Марголиса. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954. С.65-104.
11. Войтенко И.В. Проза Юлии Жадовской: жанровое и стилевое своеобразие: дис. ... канд. филол. наук. М.: РГБ, 2007. С.43.
12. Жадовская Ю.В. Полное собрание сочинений Ю.В. Жадовской: в 4 т.: с портретом, факсимиле и биографическим очерком / под ред. П.В. Быкова. СПб.: Изд-во книгопродавца И.П. Перевозникова. Т.4: Стихотворения и переписка. 1894. С.50-56.
13. Дин Лин. Творческая жизнь Дин Лин / под ред. Хуан Исинь. Тянь Цзинь: Изд-во Байхуа Вэньи, 1984. С.314. 丁玲. 丁玲写作生涯 / 黄一心编. 天津: 百花文艺出版社, 1984. P.314. (Ding Ling. Ding Ling xie zuo sheng ya / Huang Yixin bian. Tianjin: Bai hua wen yi chu ban she.)
14. Цзун Чэнь, Шан Ся. Ранняя жизнь и творчество Дин Лин // Исследовательские материалы о Дин Лин / под ред. Юань Лянцзюня. Пекин: Изд-во «Право интеллектуальной собственности», 2011. С.403. 宗谔, 尚侠. 丁玲早期的生活和创作 // 丁玲研究资料 / 袁良骏编. 北京: 知识产权出版社, 2011. P.403. (Zong Chen, Shang Xia. Ding ling zao qi de sheng huo he chuang zuo // Ding ling yan jiu zi liao / Yuan Liangjun bian. Beijing: Zhi shi chan quan chu ban she, 2011. P.403.)
15. Лотман Ю.М. Женский мир // Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994. С.65-72.
16. Хэ Гуймэй. Преобразование женской литературы и гендерной политики. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2014. С.36. 贺桂梅. 女性文学与性别政治的变迁. 北京: 北京大学出版社, 2014. P.36. (He Guimei. Nv xing wen xue yu xing bie zheng zhi de bian qian. Beijing: Beijing da xue chu ban she, 2014. P.36.)
17. Билевич Н.И. Русские писательницы XIX века // Московский городской листок. 1847. №169. С.677.
18. Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С.16.

© Линь Инин (inin.lin@mail.ru), Исакова Ирина Николаевна (mandala-1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»